

10 ИЮН 1966

ВСТРЕЧИ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ

ЛИТОВСКИЕ КУРАНТЫ

МЫ СТОЯЛИ на улице Доне-лайтиса, в саду Исторического музея, и, запрокинув голову, наблюдали полет в небо некой странной по архитектуре башни. Это была какая-то удивительная эклектика. Конترفорт, например, не гасил, как обычно, распоры стен, а сам держался за одну из них. Он так легко, освобождаясь от своей мощи, устремлялся ввысь, что позволял думать о готике, хотя готический мотив разрешался не кровельным перекрытием, а длинным флагштоком. Само же сооружение срезал карниз, под которым разместились романские окна. Слепые, грязного цвета стены оживлялись циферблатами часов. Очевидно, чрево башни было полым, дабы цепь с часовыми гири-ми могла спускаться длинно и свободно.

Часы показывали без четверти одиннадцать. В одиннадцать, как говорили, для нас сыграл концерт местный композитор. Играть он будет на колоколах. В колокола принято звонить, но, чтобы на колоколах играть, они должны быть хроматически настроены. А это бывает столь редко, что одно стоит поездки откуда угодно сюда, в Каунас.

Мы — это те, кто приехал в Литву на танцевальный фестиваль: немцы, поляки, чехи, эстонцы, латыши, русские. К нам подошла девушка-экскурсовод и сказала, что, пока нет маэстро, она покажет нам за башней могилу Саломеи Нерис: «В горах орлы. Мы дружим с ними. В горах простор. Ой, кто тебе мое напомнит имя, когда не будет гор?»

Потом нас отвели к стене, где замурован прах Пожежа, Грейфенбергериса, Гедриса, Чарнаса — революционеров, казненных литовской буржуазией. А девушка читала Саломею: «Им шепчут: Вы ведь жите хотите? Смерть — несчастье! Помяните, просите! Величье маску сбросьте прочь. Вас расстреляют, в яму бросят... Пора, решайтесь же скорей! ...«Нет! Жизни коммунист не просит из рук презренных палачей!»

Я посмотрел на башню. Ее архитектура показалась тюремной. Часы пробили одиннадцать. Нам сказали, что пора. Сейчас он будет играть... на колоколах. Я думал: конечно, классику Чайковского можно синкопировать и для джаза, но нельзя же в колокола — сразу после стихов Нерис и «стены коммунаров».

И вдруг сверху упали мощные и чистые звуки «Бухенвальдского набата». Люди вздрогнули и посмотрели вверх. Башня гудела. Башня ходила ходуном по асфальтовому пятаку сада.

Конечно, не все поняли стихов Саломеи Нерис. У каждого из тех, кто здесь был, — свой язык, своя культура, своя история и свои герои. Но есть вещи, которые не требуют переводчика. Еще за завтраком Хассо Буш смеялся: «Я танцую потому, что я красивый мальчик, и хочу, чтобы меня чаще видели по телевидению». Сейчас гальчик стоял и плакал. Он не виноват, что на территории трехмил-

лионной Литвы звери, позволявшие называть себя немцами, замучили семьсот тысяч человек. Мы были здесь не русские, немцы, чехи, поляки. Мы были людьми, и стихи литовки Нерис, и музыка грузина Мурадели принадлежали всем и каждому из нас.

На другое утро мы вдвоем с композитором Виктором Николаевичем Купривичусом влезали по пожарным лестницам на высоту в 53 метра, в «музыкальную залу».

— Мне 66 лет, а я не устаю, — говорил он.

— А кто построил эту башню?

— Генерал Нагавичус. В буржуазной Литве Исторический музей размещался в одном здании с военным. Музеи враждовали. Правительство считало, что история Литвы — это история военных походов. Чтобы стать «выше», генерал построил башню. По праздникам сюда поднимался духовой оркестр инвалидов — не знаю, уж как они это ухитрились! — и играл на весь город военные марши...

ЖАЛЮЗИ ОКОН почти не пропускали света в этот чердак, ветер вырывал из рук нотные страницы, и Виктор Николаевич приколол их кнопками к самодельному пюпитру. Мы разместились как раз под огромным колоколом. Другие — поменьше — висели в нескольких рядах.

— У вас нет ваты? — спросил композитор. — Вы оглохнете...

От механизмов пахло ржавчиной, а не маслом. Я осмотрел инструмент.

Это был комплект из 35 колоколов — три полные октавы. Колокола привезли из Бельгии в 1935 году. Весь их секрет состоял в барабане с шипами колков. Часы шли, барабан вращался, колки касались тех или иных приводов, те или иные колокола начинали бить. Над городом разносился костельная песня «Мария-Мария» и «Мы родились литовцами». При Советской власти религия и шовинизм потеряли кормившую их почву. В 1958 году Купривичусу предложили воспроизвести на колоколах популярную песню Балиса Дварюнаса «На берегу Немунаса».

Композитор, оперы которого идут на сценах, а песни звучат с эстрады, стал слесарем, наладчиком, изобретателем. Он переставил все колки на барабане. Потом вообще отказался от автоматического барабана. Он вывел приводы каждого колокола на клавиатуру. В мире нет подобного: тона расположены в нижнем ряду, полутона — в верхнем. Клавиша — деревянная ручка. Но попробуйте нажать на нее — не у всех хватит силы.

...Купривичус увлекся. Он «смонтировал» на колоколах «Интернационал», пьесы Чайковского — «Баркарола», «Осенняя песня», «Сладкая греза», «Грустная песенка», «Вальс», баховские «Прелюд» и «Менуэт», «Фугу» Мясковского. Мне не понятно, как он это все играет. Дело даже не в

том, что он, забив уши ватой, играет в сущности интуитивно, как глохнувший автор «Лунной сонаты», первая часть которой — «Адажно sostenuto» — теперь тоже звучит на колоколах. Дело даже и не в том, что рядом расположенные колокола «толкают» друг друга звуком, и музыка слышится исполнителю сплошным гулом — все же по дороге к уличному слушателю обертоны теряются, и звучание приобретает необходимую чистоту.

Дело в том, что, «играя» на рычагах-рычагах, музыкант не владеет динамикой звука — у колоколов громкий голос, их «языки» не выговаривают «пианиссимо». На рычаговой клавиатуре не исполнишь многие элементарные приемы техники — «легато», «глиссандо», «тремоло»... Разговор о «туше» — характере прикосновения пальца к клавише — вообще беспредметен. Композитор давит на ручку или всей ладонью, или по меньшей мере двумя скрещенными пальцами. И все-таки Купривичус играет. Более того, он пишет виртуозную «Польку» специально, чтобы проверить возможности своих колоколов. Правда, после ее исполнения у него сводит пальцы.

После исполнения программы мы спустились вниз и, жмурясь от света, вышли на улицу. Раздалась овация. Несколько сот неизвестно когда появившихся людей — это были харьковчане с «поезда дружбы», местные жители, командированные — рукоплескали этому человеку. Толпа тактично, чтобы всем было его видно, разместилась большим полукругом. А он стоял у стены, как в оркестре, и смущенно кланялся. Толпа подвинулась к нему, протянула ему, словно белых голубей, трепыхающиеся на ветру листки для автографов и адресов.

Я ЗНАЛ, что Виктору Николаевичу шло его произведение композитора: «Написано специально для ваших колоколов», что получает он и неожиданные подарки из наших республик. И я понял, что Купривичус не просто композитор-изобретатель. Что Виктор Купривичус композитор-гражданин.

Надо сказать и о Купривичусе-младшем — сыне и помощнике Виктора Николаевича. Гедриус тоже композитор. Поступая три года назад в Вильнюсскую государственную консерваторию, 19-летний Купривичус принес на экзамены свою симфонию «Девятый форт». Литовцы знают два этих страшных слова. Девятый форт — это девятый вал фашистского изуверства. Здесь гитлеровцы уничтожили 80 тысяч мучеников из разных стран. Я не слышал этой музыки, но привлекает гражданская зрелость юного автора. Отец и сын работают в одном ключе.

Литовские куранты Купривичусов — поэмы мира и счастья на земле.

Г. АМБЕРНАДИ,
спец. корр. «Известий».

КАУНАС.